

A scenic landscape featuring a grassy hill in the foreground, a single tree on the crest, and a bright blue sky with scattered clouds and a flock of birds in flight.

М.ЮДОВСКИЙ

**Армейские байки.
часть 1**

Армейские байки. Часть первая

Михаил Юдовский

Повестку из военкомата я получил в конце апреля.

– Не ходи, – посоветовали мне друзья.

– Что значит «не ходи»? – не понял я.

– Проигнорируй.

– Как-то невежливо, – говорю. – Нужно хотя бы отписать им в ответ, поблагодарить за приглашение, извиниться, что не смогу воспользоваться...

– А вот это хорошая мысль, – согласились мои друзья. – Отпиши. Можешь считать, что белый билет по психической статье у тебя в кармане.

Один мой знакомый – точнее, знакомый знакомых – откосивший по душевной болезни, взялся продемонстрировать мне, что говорить и как держаться на призывной комиссии. Выглядело это незабываемо.

– Знаешь что, – говорю ему, – пойду-как я лучше в армию. Пока на гражданке разгуливают такие типы, здесь небезопасно оставаться.

Прохожу призывную комиссию в военкомате. После нескольких врачей попадаю к отоларингологу – немолодой женщине с крашеными в рыжий цвет волосами. Она мне говорит:

– Станьте в угол.

Становлюсь.

– Закройте правое ухо указательным пальцем.

Закрываю.

– Теперь повторяйте за мной. – И шепотом произносит: – Шестьдесят шесть.

– Шестьдесят шесть, – повторяю таким же шепотом.

– Что? – говорит она.

Военный психолог задавал довольно бестактные вопросы. Например, поинтересовался:

– Под себя ходите?

– Конечно, – отвечаю с гордостью. – Не под вас же.

Оказавшись в кабинете проктолога, один призывник решил симулировать геморрой. Не знаю, как можно симулировать геморрой, но будущий боец настаивал:

– Внимательней, внимательней смотрите!

– А чего мне там смотреть, – вяло отмахнулся проктолог. – Тоже мне музей...

Когда очередь дошла до меня, проктолог велел мне оголить тыл, нагнуться и раздвинуть ягодицы.

– Вот так сразу? – говорю.

– А чего тебе еще надо? – удивляется проктолог.

– Каких-нибудь предварительных ухаживаний. Ресторан, шампанское, цветы...

Председатель призывной комиссии говорит мне:

– На вас пожаловались. Вы себя дерзко ведете. Ты себя дерзко ведешь, молокосос. В морфлот захотел на три года? Думаешь, говно не тонет?

– Конечно, не тонет, – отвечаю. – Оно в призывной комиссии всплывает.

За несколько дней до отбытия на призывной пункт отправляюсь стричься к знакомой парикмахерше.

– Ну что, Миша, как обычно? – интересуется та.

– Нет, – говорю. – Захотелось сменить фасон.

– На какой?

– Еще не решил окончательно. Можно журналчик полистать?

Она протягивает мне журнал с мужскими прическами, я внимательно проглядываю его.

– Ну? – спрашивает моя парикмахерша нетерпеливо. – Выбрал?

– Нет, – отвечаю. – Как-то всё претенциозно смотрится. Знаете что, постригите меня под ноль. Мне всё равно в армию.

Проводы устроили в квартире моего друга-одноклассника, которого призвали в один день со мной. Собралось больше половины бывшего нашего класса. Выпили, закусили, одна из одноклассниц говорит:

– Миша, Гена, не грустите. Служите спокойно, мы все будем ждать вас.

– Неужто все? – говорю.

– Конечно!

– Спасибо, – говорю. – К нам в армии будут относиться с уважением, завистью и опаской. Не всякого солдата одна-единственная девушка дожидается, а нас будут ждать десять женщин и двенадцать мужчин.

На призывном пункте у многих ребят из романо-германского факультета киевского универа было написано на футболках: «Fuck the draft». Начальство пункта поначалу безразлично отнеслось к этой эскападе, потом, видимо, поступил сигнал, нас всех выстроили, и подполковник, бурля от гнева, принялся орать:

– Типа, умные, да? Типа, думаете, что армейское начальство не знает, что такое «фак»? Отлично знает. И матерщину тут не потерпит. Ну, и что за «драфт»? Что такое «драфт»?

– Сквозняк, – давась от смеха, переводит ему кто-то из университетских призывников.

– Совсем охренели, – говорит подполковник. – Их завтра хер знает куда пошлют, а они на сквозняк жалуются.

На том же призывном пункте выстраивают нас и зачитывают по списку. Наконец доходят до какого-то Сергеева.

– Сергеев! – объявляет подполковник.

Молчание.

– Сергеев Александр!

Снова молчание.

Подполковник нехорошо оглядывает наши ряды и осведомляется:

– Где Сергеев Александр?

Тут кто-то из строя мрачно отвечает:

– В армию забрали.

С призывного пункта нас забирали какой-то ушастый лейтенант и очень красивый сержант. Лейтенант в своей речи то и дело ссылался на внешность сержанта:

– Видите, какой статный сержант Попов? Это армия его так выправила. Видите, какой он красивый? Это армия его таким сделала.

– Товарищ лейтенант, – не выдержал Попов, – меня, вообще-то, не армия, а родители рожали.

Приезжаем эшелоном из Киева в Москву. На перроне лейтенант выстраивает нас, зачитывает по списку – двоих не хватает. Он бледнеет, начинает что-то бормотать про дезертирство, тут, как ни в чем ни бывало, появляются двое с мороженым.

– Вы... вы совсем охренели! – орет летёха. – Вы понимаете, что за время вашего отсутствия Родину уже трижды захватили?

Один из «дезертиров», лениво лизнув мороженое, отвечает:

– Так нам уже служить не надо?

С вокзала мы поехали в аэропорт «Домодедово».

– Та-ак, – говорит один парнишка, читая надпись на здании аэропорта, – еще не служим, а уже началось...

В самолете, который летел до Хабаровска, нас кормили жареной курицей и жареной же картошкой. Оказавшийся в соседнем со мною кресле толстяк Илья, быстро умяв свою порцию, заявил:

– На убой кормят.

– Да кому ты сдался, – отвечаю.

– Сдался – не сдался, а жрать в армии туфту придется.

– Ты не забывай, – говорю, – что мы на Дальнем Востоке служить будем. А там пища особая. Это же край лосося. На завтрак – красная икра, на обед – жареная кета.

– Серьезно?

– Чтоб я сдох!

По приезде попадаем в разные батареи, но едим, конечно, одну и ту же пакость. Как-то встречаемся взглядом в столовой, и Илья бросает мне через пару столов:

– Сдохни!

После Хабаровска мы оказались во Владивостоке, в здании морского порта, где нам предстояло провести всю ночь. Подходит ко мне один парнишка, сержант (уже, как после оказалось, полтора года отслуживший), и говорит:

– Привет, зёма. Ты откуда?

– Из Киева, – отвечаю. – А ты?

– Из Рязани.

– Врешь, – говорю. – Пряма-таки из Рязани?

– Ну да, – удивляется он. – А что такого?

– Ничего, – отвечаю. – Просто первый раз вижу человека, который пряма-таки из Рязани.

– Короче, зёма, – говорит он, – дай мне свои джинсы. У тебя в части всё равно заберут, а мне пригодятся.

– Молодец, Рязань, – говорю. – А в часть мне в чем добираться?

Он почесал голову и говорит:

– Да... Об этом я как-то не подумал. А что у тебя еще есть?

– Труссы, – говорю. – Нужны?

– Не, – отвечает он с гордостью. – Труссы у меня свои есть.

– Поздравляю, – говорю.

Он снова почесал голову и говорит:

– Слушай, пошли наверх, в буфет. Там курицу продают и кофе. Хочу угостить. Тебе еще два года трубить, а я через полгода всего наемся и напьюсь.

Короче, угостил он меня курицей и кофе. Я поблагодарил и спрашиваю:

– А чего ты именно ко мне... Ну, ты понял.

Он отвечает:

– Ну, во-первых. На тебе джинсы классные. А, во-вторых, я люблю мудаков. Только не говори мне, что ты не мудака.

Приезжаем в часть. Нас выстраивают перед баней. Велят всё с себя скинуть. Раздеваемся, стоим голые. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Полчаса. Кажется, полчасти собралось и глазеют на нас. Наконец, появляется прапорщик, начальник вещевого склада в сопровождении нескольких солдат с обмундированием.

– Приветствую, товарищи бойцы! – провозглашает прапор, слегка пошатываясь и прикладывая руку к фуражке.

Мы отдаем ответно честь – кроме парнишки, стоявшего рядом со мной, который отсалютовал своим членом. Прапор посмотрел на него и говорит:

– Вот. Вот единственный боец, который знает, что к пустой голове руку не прикладывают.

После бани подходит к нам сержант и спрашивает:

– Художники есть?

Все молчат.

– Повторяю вопрос: художники есть?

– Ну, я художник, – отвечаю.

Он подходит ко мне, кладет руку на плечо и говорит радостно:

– Всё. Будешь служить в моей батарее. Тебя как зовут?

– Миша, – отвечаю. – А тебя как?

– Вадим. Только, бляха, запомни: сержантам надо говорить «вы».

– Я понимаю, – говорю, – что сержантам надо говорить «вы». А одному сержанту?

На третий день службы повезли нас копать траншеи. Роем, мой сосед слева вдруг прекращает рытье и глядит на меня с ухмылкой.

– Чего? – спрашиваю.

– Да, – говорит он, – не хотел в армию идти, а теперь не жалею. Впервые увидел еврея с лопатой.

Я в ответ огрел его черенком лопаты по голове. Не очень сильно, так что на пятую точку он приземлился скорее от неожиданности. Тут мимо проходит младший сержант, командир отделения.

– Чего не копаем? – интересуется он. – Чего на земле сидим?

– Товарищ младший сержант... – начинает мой сосед, но тот его перебивает:

– Лопату в руки и вперед.

Затем подходит ко мне и говорит тихо:

– Ты, бляха, по тем местам бей, где синяков не видно. Культурный, типа, народ, а простых вещей не понимаете.

Сплю на верхней койке. Рядом со мною – парень из Армении.

– Слушай, – говорит, – будь, пожалуйста, другом, почеси мне спину. Ну очень чешется!

– Ладно, – говорю, – поворачивайся.

Он поворачивается на бок, я чешу ему спину, а он принимается вдруг рассказывать:

– Я до армии большой человек был. Директор рыбного хозяйства. Большие дела делал. Такие дела, что в двадцать пять лет пришлось в армию сбегать. Ничего, перетерплю здесь два года, вернусь, снова буду большие дела делать.

Я убрал руку.

– Ты зачем? – говорит он. – Чеси, пожалуйста, чешется очень.

– Ну вас, больших людей, на, – отвечаю. – Вам сперва спину почешешь, а потом опухалом мух отгонять будешь.

Сержант, заместитель командира взвода, подходит в Ленинской комнате к одному солдату и спрашивает:

– «Боевой листок» готов?

– Ой, товарищ сержант, – отвечает тот. – Не успел. Забыл. Сейчас сделаю.

– Ты чего, солдат, охренел от беззаботности? – наливается кровью сержант. – Я тебе, бляха, на, ёканный Мадрид...

– Товарищ сержант, – отвечает боец, – это, в конце концов, неинтеллигентно.

Сержант аж задыхается от возмущения.

– Ты, сука, совсем нюх потерял? Я тебе, блядь, покажу неинтеллигентно! Я тебя, на хер, сгною своей интеллигентностью!

Сижу на лужайке перед казармой. Тут из окна высовывается голова старшины соседней батареи, старшего сержанта. Голова эта смотрит на меня и почему-то улыбается.

– Чего? – спрашиваю.

– Нормально, – удивляется старшина. – Охренительное обращение. Жаль, что ты не в моей батарее. Солдатик, сколько дней до приказа.?

– Не знаю, – говорю. – А вы не подскажете, который час?

– Я с тебя худею, – говорит старшина. – Тебя как зовут?

– Миша, – отвечаю.

– Сука ты, Миша.

Старший сержант попросил меня нарисовать медальон с портретом его девушки, приложив фотку. Я нарисовал. Он говорит:

– Похожа. Только некрасивая какая-то. Перерисуй.

Я перерисовал. Он говорит:

– Вот! Теперь красивая. Только непохожа.

У старшины нашей батареи было нейтральное имя Женя и нежная фамилия Козочка. Нежность с нейтральностью он перенес и на нас. Когда мы маршировали, он комментировал это следующим образом:

– Выше ногу, мальчики! Выше ногу, чмыри ебАнные!

Один из солдатов спрашивает его:

– Товарищ старшина, а правильно ебАнные или ёбанные?

Женя отвечает:

– Тебе, мальчик, достанется и то, и другое. Ты у меня и ебАнным будешь, и ёбанным. Ножку, ножку тyani, ушастое мудило!

Два дня у нас в казарме стоял столик для настольного тенниса. Рубились офицеры и сержанты. В какой-то момент офицеры отсутствовали, сержанты устали, и мой «замок» (заместитель командира взвода) говорит:

– Эй, бойцы! Кто в настольный теннис умеет?

Я занимался им до четвертого класса, поэтому отвечаю:

– Я.

– Бери ракетку, – говорит «замок».

Я выиграл у него. Он поглядел на меня с полузлостью-полунасмешкой и говорит:

– Охренительно тебе повезло, боец. Ты завтра в наряд по столовой должен был идти. Теперь не пойдешь. Подумают – мщу.

Тот же сержант велит нам получить оружие и приступить к его чистке.

– С оружием, бойцы, – наставляет он, – нужно обращаться бережно и трепетно. Чистим до ослепительного сияния, чтоб блестело, как у кота яйца. Через час приду проверю.

– Кого проверите, товарищ сержант? – интересуюсь невинно. – Кота?

Приезжает в нашу учебку с инспекцией генерал из штаба армии. Обходит строй, покровительно-отечески оглядывает солдат, затем интересуется:

– А что, бойцы, жалобы есть? На пищу, например?

– Никак нет, товарищ генерал-майор, – отвечает какой-то прапорщик.

Генерал оглядывает его живот и лоснящуюся физиономию и говорит:

– Я вижу, что у тебя жалоб на пищу нет.

Учебка наша находилась в сопках, посреди тайги. До ближайшего населенного пункта было семь километров. В сентябре завелся поблизости тигр-людоед. Командир полка приказал выстроить всю часть на плацу и объявляет нам:

– Товарищи солдаты! Среди вас еще находятся несознательные мудаки, которые ухитряются бегать в самоволку, хотя я, боевой подполковник, не могу понять куда.

Имейте в виду: в наших краях объявился тигр-людоед. Вчера этим тигром был атакован старший лейтенант Васин. Старшему лейтенанту Васину было отгрызено правую руку... Товарищи солдаты, прекратите ржание, я не вижу в этом ничего смешного.

В сентябре отправили меня и еще несколько человек в Варфоломеевку, подготавливать местный аэродром, куда должен был прилететь Горбачев. Одни занимались уборкой аэродрома, другие кашеварили, третьи (и я в их числе) рисовали наглядную агитацию. Тамошние солдаты иногда наведывались в ангар, где мы рисовали. Среди них оказался местный повар, который выглядел постарше остальных. Чем-то я ему, видать, понравился, потому что он, отпросив меня у нашего сержанта, стал отвозить на машине в офицерскую столовую при аэродроме и там кормить – по солдатским меркам роскошно. Я сперва подумал, что он хочет, чтобы я сделал ему дембельский альбом, и спросил об этом.

– Не, – говорит он, – на хрена такое счастье надо. Я, блин, не какой-нибудь дед, я уже четвертый год в армии.

– Как это четвертый? – спрашиваю.

– А так, что из дисбата вернулся дослуживать.

– А за что в дисбат угодил? – спрашиваю

– В самоволку ушел.

– И за это дисбат?

– Не. Командир батальона выстраивает нас и говорит: «Вот, бля, рядовой Самраев совсем нюх потерял. В самоволку, сука, бегаёт». Я ему отвечаю: «Идите на хер, товарищ подполковник».

– И за это – в дисбат? – продолжаю удивляться.

– Не... Мне взводный, летёха, говорит: «Ты что, боец, охерел, мать твою?» Я за мать обиделся и в глаз ему дал.

– Так за это дисбат?

– Не... Я еще военному прокурору кое-что интересное сказал. Ты давай, гречку с мясом ешь.

Тот же повар в очередной раз забирает меня под вечер. Везет на машине. Тут в глаза нам фонарный свет.

– Бляха, патруль, – говорит он. Затем открывает дверь и шепчет: – Держи ключи.

Выскакивай. Через поле бегом – и в столовую.

– А ты как?

– Отмажусь, бля. Выскакивай, говорю.

Я выпрыгиваю из машины и бегу через поле. Слышу, как офицер орет на повара, тот что-то отвечает, потом вдруг слышу выстрел, и что-то у меня над головой просвистывает.

«Нормально», – думаю и, что было сил, прибавляю ходу. Оказываюсь в столовой. Через полчаса появляется мой повар.

– Ты как? – спрашиваю.
– В порядке, – говорит он. – Хотя и мудака старлей... А ты? Обосрался, когда он шамальнул?
– Да нет, – отвечаю. – Не успел. Даже как-то прикольно было. И что вспомнить будет. Он вдруг улыбаётся и говорит:
– А ты мне про альбом дембельский втираешь. Ты же долбанутый. А я только долбанутых люблю.

Угодив в санчасть, познакомился с пареньком из Караганды, Сашей Жанайдаровым. Он ухитрился попасть в армию на 27-м году жизни, уже имея юридическое образование.

– Ты откуда родом? – интересуется он.
– Из Киева, – отвечаю. – А ты где до армии жил?
Он вздыхает.

– Понимаешь, – говорит, – когда меня спрашивают, где я живу, и я отвечаю, что в Караганде, люди сперва снисходительно усмеваются, а потом говорят: «Ну, понятно. А по-настоящему где живешь?»

Два фельдшера из санчасти, Гена и Вадик, отправившись за медикаментами в Ляличи, что в семи километрах от нашего гарнизона в сопках, ухитрились снять двух девиц и, судя по их рассказам, неплохо провести с ними время. Эффектный Гена в излишних подробностях рассказывал, какой у него был оральный секс, гордо именуя свой фаллос то булавой, то пушкой, то мечом.

– Я понял, – усмехаюсь. – Ты перековал свой меч на ее орало.
Он покосился на меня и говорит:
– Совсем духи оборзели... Кажется, у меня сегодня еще один секс будет.

Попадает в санчасть сержант. Крепкий, но ошалелый и с совершенно раздербаненным носом.. Всё время повторяет одно слово: «Сука, сука, сука».

Забыв чинопочитание сержантской учебки, обращаюсь к нему на «ты»:

– Тебя что, какая-то телка сифилисом наградила?

Он смотрит на меня горько и говорит:

– Телка... Сифилисом... Мечтай об этом. Крыса нос загрызла.

В санчасти написал один стишок, показал его Саше Жанайдарову, с которым мы успели хорошо сдружиться. Тот, в свою очередь, прочел его фельдшерам. Им, видимо, понравилось, они пригласили меня на чай с конфетами.

– Угощайся, братан, – говорят они.
– Спасибо, – отвечаю. – Вы тоже ешьте-пейте, не стесняйтесь.

Более интеллигентный фельдшер Вадик говорит:

– Я, блядь, тихо млею. Поэты все такие наглые, или ты, сука, наиболее яркий представитель?

Поскольку учебка у нас была артиллерийская, нашу батарею отдали в распоряжение ремонтной роты, чтоб мы помогли им строить склад. Работаю рядом с одним сержантом-ремонтником, очень славным, кстати, парнем. Он говорит:

– Братишка, ты откуда?

– Из Киева.

– Хохол?

– Еврей.

– Интересно... Учился?

– Сперва в художественно-промышленном, потом в инязе.

– А какой язык?

– Английский.
– Клёво. Нормально шпрехаешь? Как будет кирпич по-английски?
– Brick.
– А ложить кирпич?
– To lay bricks.
– Полный класс. Слушай, хочешь я побуду рядовым, а ты сержантом?
– Это как? – спрашиваю.
– Ты будешь мне команды по-английски отдавать, что делать. А я буду выполнять. Всё равно из тебя строитель, как из моего... Как будет по-английски «свисток»?

Приходит в нашу батарею прапорщик из ремонтной роты.

– У вас, – говорит, – служит англичанин?

– Как это англичанин? – удивляется наш старшина.

– Ну, хлопец, который по-английски балакает.

– А! Да вот он, на тумбочке дневалит.

Прапор подходит ко мне и протягивает брошюрку и тетрадь.

– Это, – говорит, – самоучитель по карате. На английском. Переведешь. Через неделю приду.

– А с какой радости? – спрашиваю. – И вообще, товарищ прапорщик, когда просят, «пожалуйста» говорят.

– Боец, ты охренел? Тут армия, а не институт благородных, блядь, девиц. Короче, задача понятна. Приду через неделю.

– Зачем же через неделю? – говорю. – Приходите завтра.

– А справишься за день?

– Тут же армия, – говорю. – Куда я денусь.

Он смотрит на меня полунасмешливо-полуудивленно и говорит:

– Молодец. Начинаешь соображать.

И уходит.

После наряда беру тетрадь и пишу: «Этот как даст тому ногой в челюсть, тот и упал».

На следующий день появляется прапор.

– Ну что, – спрашивает, – готово?

– Так точно, – отвечаю и протягиваю ему тетрадь.

Он открывает, читает запись, багровает, смотрит на меня и шипит:

– Остроумничаешь, животное? Вот жалко мне сейчас, что я не этот, а ты не тот...

В батарею со мной служил парнишка из Узбекистана Эркин Мухаммадрахимов, который сочинял стихи и даже печатался в центральной ташкентской газете. Однажды он попросил меня перевести один его стих на русский.

– Я, – говорю, – вообще-то, не силен в узбекском.

– Я тебе подстрочник сделаю! – убеждает Эркин.

Словом, перевел я его стих. Эркин прочел и говорит:

– Да, жалко, что ты узбекского не знаешь.

– Почему?

– Из тебя мог бы выйти отличный узбекский поэт!

Сижу в ленкомнате, сочиняю стишок. Заходит мой командир отделения и спрашивает:

– Чем занимаемся, боец?

– Стих пишу, – отвечаю рассеянно и довольно глупо. – Пожалуйста, товарищ сержант, не мешайте...

У того сперва отшибло дар речи, затем он говорит:

– Я хренею с твоей харизмы, товарищ солдат! Мало того, что херней страдает, какие-то блядские стихи пишет, он еще, ёкарная цепь, просит, чтоб ему не мешали!

Выходим за территорию части метать гранаты. Метаем из окопа. У одного парнишки граната неудачно выскальзывает из рук, катится по земле и останавливается в трех метрах от нас. Взводный, капитан Еременко, выскакивает из окопа, подбегает к гранате и швыряет ее подальше. Там она и взрывается. Взводный после этого делает выдох, поворачивается к солдату и говорит:

– Ты откуда родом, охрентильный сынок?

– Из Белоруссии, – отвечает тот.

– Предупреждать надо. В следующий раз картошку метать будешь.

Некоторое время я удивлялся, как это капитан может быть всего лишь командиром взвода. Но случай на плацу всё объяснил. Командир выстроил полк. Капитан Еременко о чем-то весело переговаривался с сержантами.

– Полк! – зычно приказал командир. – Равняйся... отставить. Подождем, пока вон тот усатый капитан закончит свои балачки.

– Товарищ подполковник, – отвечает ему Еременко, – говорить такое офицеру при личном составе – нескромно.

– Что? – побагровел подполковник. – Ты это командиру части? Вон с плаца, животное. Еременко вздохнул, потом отвечает:

– Да сам ты иди куда подальше, скотина.

Уже на следующий день капитана в нашей части не было.

Крашу на жаре стенд. В тени стенда лежит сержант с – нарочно не придумаешь – фамилией Зверьянский, лениво пожевывает травинку. Наверно, ему сделалось скучно, решил поговорить со мной.

– Слышь, – говорит, – а как ты, еврей, в армию загремел?

– А что такого? – спрашиваю.

– Вы же хитрый народ. Лукавый. Всегда отмажетесь. Там заплатите, там подкатите. И делать ни хера не любите.

– Очень, – говорю, – интересно слышать это от человека, который валяется в тени, пока я стенд крашу.

– Я свое отпахал, – заявляет он. – А что, чувак, небось, хочется не базарить со мной, а краской плеснуть? Только кишка тонка – сержант, здоровый, бляха, черт... Так?

– Да нет, – говорю, – не очень тонка.

И окатываю его хэбэшку краской. Он сначала застывает от изумления. Затем подскакивает ко мне, хватает за грудки, потом вдруг отпускает.

– Думал, рожу набью? – говорит. – Не, мне этот геморрой не нужен. Я еще старшиной хочу стать. Но у тебя, сука, ночь будет веселая – всё отстираешь.

Замполит дивизиона капитан Зайцев собирает нас и читает политинформацию.

– На повестке дня две темы, – объявляет он. – Начну с плохой, чтоб закончить торжественно. Семь бойцов из третьего дивизиона потравились, напившись антифризу. Это скандал. Мудаков, к счастью, откачали. Вам что, пить нечего? Компота в столовой мало? Если какая дурная голова еще захочет антифриза хлебнуть – предупреждаю: откачивать не будем. Теперь вторая новость, торжественная. Председателем Президиума Верховного Совета СССР избран выдающийся советский и партийный деятель...

– Горбачев, – подсказывает замполиту чей-то голос.

Замполит строго смотрит на аудиторию и повторяет:

– Выдающийся советский и партийный деятель Андрей Андреевич Громыко.

– Так не Горбачев? – удивленно спрашивает всё тот же голос.

– Для тупых повторяю, – нервно говорит замполит: – Андрей Андреевич Громыко.
– Они там что, – лениво продолжает голос, – тоже антифризу нахлебались?

Делаем небольшой марш-бросок, который заканчиваем у местной неглубокой речки. Жара страшная, сержанты – то ли из жалости к нам, то ли из милости к себе – говорят:
– Всё. Одежду снимаем и купаемся.

Сбрасываем с себя всё, залезаем в реку, плещемся. Тут появляется командир батареи.
– Вы что, бойцы, – орет он, – охренели? Тут до границы несколько километров, а вы вместо боевого задания голожопыми в речке купаетесь? Старший сержант! – обращается он к нашему заместителю командира взвода, – встаньте, когда с вами командир батареи разговаривает!

Тот встает в естественном виде.

– Красавец, – заявляет офицер. – А если на вас сейчас китайцы бы напали? Чем бы вы их встретили? Вот этим вашим сомнительным оружием?

Всего через две недели устраивают нам настоящий маршбросок – как было объявлено, сорок километров с полной выкладкой. Я с трудом могу вообразить, чем бы закончилось это удовольствие. Но, несмотря на близость к границе, вокруг царит такой бардак, что планы по ходу меняются. Начальник штаба полка говорит:

– Они даже не представляют, как им повезло.

Короче, нас отводят в лес, мы располагаемся на полянке, вокруг которой растет черемуха, рвем ягоды, нежимся на траве и часа четыре не высываемся оттуда. Снова приходит начальник штаба, на сей раз с нашим командиром батареи.

– Они даже не представляют, как им повезло, – повторяется он. – Слушай, старлей, даже не приказ, а личная просьба: сделай им два часа строевой. Не могу смотреть на их радостные лица.

Бардак и в самом деле царил такой, что за всё время учебки (где из нас должны были сделать вычислителей) мы всего один раз увидели прибор, с которым должны были работать. Назывался он, по-моему, СРП и приборов этих было два на всю батарею. Как им пользоваться – понятия не имею. Когда я попал из учебки в часть, меня назначили на должность дальномерщика.

– А что я буду делать с дальномером? – удивился я. – Меня, вообще-то, на вычислителя учили. Теоретически.

– Да ты не волнуйся, – отвечают мне. Нет в батарее дальномера. Три года, как пропили.

В часть я приехал в новенькой, с иголки, форме. Об этом позаботился мой старшина по учебке, Женя Козочка.

– Смотри, – хвастал он коллеге по соседней батарее, – какими я своих отправляю. Форма – нулевая. Всё – ноль. Форма – ноль. Мальчик – ноль. Солдат – ноль.

В часть нас привезли под ночь и оставили до утра спать в штабе. Я положил под голову вещмешок, в котором находились парадка и фуражка. Спать на фуражке было жестко, и я – от большого ума – вытащил ее и положил рядом. Ночью в штаб наведались визитеры – местные солдаты. Я проснулся, когда один из них начал копошиться рядом со мною.

– Тебе чего? – спрашиваю.

– Слышь, зёма, – отвечает он. – Давай махнемся. Ты мне фуражку, а я тебе куплю кило пряников.

– Классно, – говорю. – Если что – я с пакетом пряников на голове буду ходить. Он уходит, я засыпаю, а когда просыпаюсь утром, фуражки не обнаруживаю. Начинаю тупо рыскать в поисках, хотя и так всё понятно.
– Чего ищешь? – спрашивает меня сосед.
– Как чего? – отвечаю. – Пакет с пряниками, конечно.

Приходят за нами несколько офицеров, выстраивают, распределяют по подразделениям. Я, как окончивший артиллерийскую учебку, попадаю в артдивизион. Сам полк – мотострелковый. Забравший меня офицер, замполит дивизиона майор Жижов заводит меня в штаб, усаживает напротив, начинает разглядывать мое личное дело.
– Да, – говорит, – интересно. Еврей в армии – любопытно, любопытно...
– Товарищ майор, – отвечаю, – меня уже, извините, задрала эта еврейско-армейская тема.
– Ну, так меняй, раз задрала.
– Чего менять?
– Или национальность, или армию.

Во время распросов замполита в штабную комнату заходит командир дивизиона, подполковник Найчук.
– Сидите, сидите, – говорит. – Новый? Из учебки? На кого учился?
– На вычислителя, – отвечаю.
– А прибор в своей учебке хоть раз видел?
– Один раз и видел.
– Ну, ясен перец. Будешь дальномерщиком.
– А как же...
– Расслабься, боец. Нет у вас в батарее дальномера. То ты вычислителем никаким был, теперь дальномерщиком никаким будешь. Зато вернешься на гражданку, тебя спросят: «Чем в армии занимался?» А ты ответишь: «Сперва вычислял блядей на горизонте, потом мерил, сколько до них идти».

Подполковник Найчук был человеком по-армейски грубым, но простодушным, без задних мыслей, а мне такие люди всегда нравились. Как-то заяляет нам:
– Бойцы, вы до хера материтесь. В казарме стоит мат-перемат. Причем нехорошо материтесь. Нецензурщину потерплю, неуважения терпеть не буду. Чтоб я больше не слышал выражения «ёбанная мать». Если так приспичило, говорите «ёбанная тётя».

В первый же день в части припирает меня к стенке один здоровенный старослужащий чеченец и спрашивает:
– Дух?
– Цвет и запах, – отвечаю. – Руку убери.
– Борзый, да? Тебя зарезать?
– Сам в столовой отравлюсь, – отвечаю.
Он почему-то убирает руку и говорит:
– Ладно, иди давай.
Я отхожу. Он вдруг окликает меня:
– Эй!
– Что? – поворачиваюсь.
– Будет кто обижать – мне говори. Я его зарезу.

С чеченцем – его фамилия, к слову, была Гучигов – мы вроде как сдружились, хоть он и прослужил на год больше моего. Как-то сижу в ленкомнате, он заходит и обращается ко мне скороговоркой:

– Дорогой-любезный-пожалуйста – зайти можно?

– Заходите, товарищ солдат, – отвечаю строго.

Он подходит ко мне и говорит:

– Слушай, я своей девушке письмо написал. Надпиши конверт карасиво-грамотно, а?

– Давай, – отвечаю.

Он кладет передо мной конверт, в котором уже запечатано письмо, и листок бумаги с адресом и именем девушки. Имя еще ничего, а фамилия совершенно невообразимая. Я разглядываю внимательно, он говорит мне:

– Умоляю, дорогой-любезный, ошибок не делай. А то, понимаешь...

– Зарежешь? – усмехаюсь.

– Нет. Сяду рядом в столовой и буду долго и невкусно тебя отравлять.

Замполит майор Жижов проводит политзанятие. Рассказывает об агрессивном блоке НАТО. Солдаты откровенно клюют носами.

– Джавадов! – раздосадованно и громко окликает замполит одного азербайджанца. – Какие страны входят в агрессивный блок НАТО?

– Америка, – отвечает тот. – Англия...

– Правильно, – говорит замполит. – Только надо говорить не Америка и Англия, а США и Великобритания.

– Как? – удивляется азербайджанец. – И эти тоже?

Подрались азербайджанец и армянин. Дело было до Карабахского конфликта, но неприязнь друг к другу у некоторых имелась, хотя обычно кавказцы старались друг друга не задевать. Вызывают их к себе командир дивизиона и замполит. Командир говорит::

– Поздравляю, вы совсем оборзели. Вы в зеркало на свои рожи смотрели? Охренеть, как вас красят эти фингалы.

– Тут даже не в этом дело, товарищ подполковник, – вмешивается замполит. – А вот эта национальная подоплека... Вы понимаете, бойцы, в какой стране вы живете? Вам известно, что у нас дружба народов?

– Да? – переспрашивает армянин. – А каких конкретно народов у нас дружба?

Пересмотрев мое дело, командир дивизиона вызывает меня к себе.

– Так ты в художественном учился? – говорит.

– Учился, — отвечаю.

– Почему не сказал?

– Не спрашивали.

– Ну и чудило. Такие вещи люди сами говорят. Пишешь красиво?

– Нормально, вроде.

– Вот тебе плакатное перо, тушь, напиши чего-нибудь.

Обмакиваю перо в тушь и вывожу на каком-то обрывке бумаги: «Ну и чудило».

Командир читает и говорит:

– Понятно. Пишешь хорошо, критику, типа, воспринимаешь. Писарь на дембель ушел, будешь за него. Только приколизм твой с похуизмом вместе до добра тебя не доведут. С тобой же не я, с тобой наш начштаба, когда из отпуска вернется, дело будет иметь. А он...

– Что он, товарищ подполковник? – спрашиваю.
– Ничего, – отвечает командир, встает и направляется к двери. На пороге вдруг поворачивается и, пересиливая себя, говорит: – Рифмуется он интересно с твоим «чудилой».

Прибыл из отпуска обещанный начальник штаба, майор Мануйлов. С первой же встречи меня невзлюбил, на что я отвечал ему глубокой взаимностью. Он то и дело повторял:
– Ты, хоть и еврей, а меня не наебешь. Я – потомственный кубанский казак.
Перед учениями дает мне задание: написать на фанере тушью «Доска документации дивизиона». Записывает название на бумажке, чтоб я ничего не перепутал. Я, конечно, ничего не перепутал, но решил подсократить себе работу: уж больно гнусно было шкрябать пером по негрунтованной и даже не отшлифованной фанере. Короче, написал я: «Доска дивизиона». А бумажку с записью начштаба по глупости забыл выкинуть, оставив на столе. На следующие утро приходит начштаба. Читает мою надпись, наливается краской и орет:

– Какая «доска дивизиона»? Ты кого, бляха под доской имел в виду? К вам сюда плоские телки ходят? Я тебе что велел написать?

– Доска дивизиона, – отвечаю. – Что вы на бумажке написали, то и я на фанере.

– Я такое написал?

– Вы, товарищ майор.

– А подумать своей головой нельзя было?

– Солдатское дело – не думать, а исполнять приказы в точности.

– Ой, бля, кто бы говорил. Ладно, иди.

Он заходит в штаб и, видимо находит бумажку со своей записью. поскольку из штабной комнаты доносится его рев:

– Сука! Мудак! Еврей, бля! Наебать потомственного кубанского казака!

За очередное мое «достижение» майор Мануйлов вызывает меня в штабную комнату, орет, вспоминая все известные ему выражения. Я стою молча, только руками делаю такие жесты, будто колобка леплю. Начштаба остановился на самом интересном месте и говорит мне:

– В чем дело, товарищ солдат?

– Ни в чем, – отвечаю. – Просто слушаю вас, товарищ майор.

– Чего ты руками выделяешь?

– Ничего. Это у меня нервное. На почве задумчивости.

– Какой еще, бляха, задумчивости? С тобой целый майор разговривает... Что ты там опять руками лепишь?

– Я вот думаю, – говорю, – как ежики сношаются. И так колется, и так колется...

Я, конечно, получил за свою выходку гауптвахту, но начштаба в переизбытке гнева имел глупость возмущенно поведать об этой истории офицерам дивизиона.

– Нет, вы видали такую борзость? Я с ним разговариваю, а он мне ежиков лепит! Я ему говорю, что он мне документ запорол, а он, сука, размышляет, как ежики сношаются!.. Товарищи офицеры, прекратите ржать, я не вижу в этом ничего смешного!

Товарищи офицеры, конечно, прекратили ржать, но история мгновенно распространилась по полку, так что начальник артиллерии при встрече с Мануйловым невинно поинтересовался у него:

– А что, Костя, говорят, ты ежиков разводишь?

Переводят к нам в дивизион новенького, здоровенный деревенский увалень, но с простодушным и даже детским лицом. Деда принимают его расспрашивать:

- Ну чё, как жилось на гражданке? Телок много было?
  - Каких телок?
  - Девок. Не коров же.
  - А... Девок в деревне много было.
  - Да не в деревне, а у тебя. Были у тебя телки? То есть, девки?
  - Были иногда. В гости заходили.
  - К тебе?
  - Не. К сестре.
  - Ну, даешь, братан... А дети есть?
  - У сестры?
  - У тебя, тормоз!
- Парень страшно удивился, даже глаза округлил и говорит:
- У меня? Дети? Не знаю.

У одного солдата из Белоруссии рост был всего метр сорок восемь. Будь он хоть на сантиметр ниже, его бы не взяли в армию. Стоит он как-то на тумбочке дневальным. Ближе к утру задремал, так что не увидел, как в казарму зашел командир дивизиона, здоровенный, к слову, мужик под метр девяносто.

- Эй, боец, – говорит комдив, – чего команду не подаем?
- Ой... виноват, товарищ подполковник, – приходит в себя маленький дневальный. – Я вас не заметил.
- Ну-ну, – усмехается комдив, оглядывая того с головы до пят. – Это ж, бляха, просто анекдот. Я его заметил, а он меня нет.

В самый первый день нам, прибывшим в часть, раздали какие-то анкеты. Я заполнил свою, позволив себе пару раз приколоться. Через три месяца появляется в нашем дивизионе специфической внешности майор и осведомляется насчет бойца Юдовского. Меня подводят к нему и – к моему удивлению – оставляют наедине с ним в штабной комнате.

- Товарищ боец, – говорит он, – ты думаешь, можно со всеми шутки шутить?
- Какие шутки, товарищ майор?
- Ты по прибытии в часть анкету заполнял?
- Не помню... Кажется, да.
- Не кажется, а так точно. Ты хоть понимаешь, для кого твоя анкета предназначалась?
- Не знаю... То есть, никак нет. А для кого?
- Для особого отдела. Ты, конечно, можешь шутить с командирами, с замполитом, но с нами не рекомендую. Мы юмор не понимаем. Но оцениваем его правильно. Ты как ответил на вопрос «есть ли родственники за границей»?
- Не помню, – говорю.
- А я помню. Ты ответил: «Если все люди братья, то есть». Ну, так есть родственники за границей?
- Никак нет.
- Вот, уже лучше. А этот вопрос: «Слушаете ли вы вражеские голоса? Например, «Голос Америки?»» Ты отвечаешь: «Бывает, что слышу голоса, а чьи они – не знаю». Я тебе вот что, скажу боец: если хочется под дурку косить – опоздал. Надо было на призывной комиссии. Голоса он слышит...
- Почему – косить? – обиделся я. – Я, между прочим, добровольно в армию пошел.

– Да ну?

– Честно. Мне военком говорит: выбирай, или ты идешь в армию, или на тебя заводят уголовное дело. Я и выбрал армию.

– По-моему, – говорит майор, – ты сделал неправильный выбор. Если не угомонишься – пеняй на себя. И скажи спасибо, что среди нас тоже есть нормальные люди.

Мне очень хотелось обсудить последнюю фразу особиста, но на сей раз я сделал правильный выбор и промолчал.

Идем в баню. Раздеваемся. Один парнишка из Омска говорит мне:

– Хошь классную татуировку заценить?

– Показывай, – отвечаю.

Он стягивает трусы – над самым членом у него выколото: «Стою на страже Родины».

– Прикольно, – говорю. – А сзади у тебя татуировки нет?

– А чё мне там колоть-то?

– «Встречу врага лицом к лицу».

Тот же омский парнишка хвастает мне:

– У меня уже до армии куча телок была.

– Куча – это сколько? – спрашиваю.

– Куча – это много. В десять раз больше, чем у тебя прыщей было.

– У меня, – говорю, – вообще прыщей не было.

– Не было так не было. А у меня телок всё равно было в десять раз больше.

Старшиной первой батареи был азербайджанец, а каптером у него состоял парнишка из Рязани, Юра, голубоглазый и розовощекий. За эти щеки старшина то и дело несильно трепал его и приговаривал:

– Что, Наташа, пошли в каптерка, конфеты есть, чай делать будешь, сам тоже пить можешь с конфетами.

То ли от этого трепания за щеки, то ли еще от чего, Юрка подхватил чесотку и его отправили в санчасть.

Однажды старшина подходит ко мне и говорит:

– Слушай, у меня в каптерка дембелский альбом лежит, посмотришь, какие калка можно рисовать. Чай есть, кофеты есть.

– Не, – говорю, – не пойду. Ты уж дождись свою Наташу из санчасти и с ней в каптерку ходи.

Подходит ко мне однажды командир соседнего взвода, старлей по фамилии Хорьков, и говорит:

– Слушай, ты ведь, наверно, стихи пишешь?

– А с чего вы взяли, что я стихи пишу? – спрашиваю.

– Ну, – говорит он, – у тебя бывают... ну, как это говорится... глаза тупые.

– Может, – подсказываю, – взгляд отсутствующий?

– Во-во, – кивает он. – Взгляд отсутствующий и глаза тупые. А у меня, понимаешь, завтра ровно год свадьбы, хочу Варюхе, жене, необычный подарок сделать. Напишешь для нее стихи, типа от меня? Я уже открытку купил. – И протягивает мне открытку.

– Ладно, – говорю, – попробую.

– Попробуй. А я в долгу не останусь.

– Вы уж лучше останьтесь в долгу, – говорю. – На всякий случай.

– Вот сразу видно, что поэт, – заявляет старлей. – Что-то, вроде, говоришь, а чего говоришь – ни хрена не понятно.

Короче, взял я у него открытку, вспомнил о ней только под вечер и быстренько написал какую-то чушь:

Я хочу с тобою, Валя,
Без печали и тоски
Жить, любя и фестивалю
Вплоть до гробовой доски.

Через некоторое время в казарму вбегает Хорьков, находит меня, спрашивает:

– Написал?

– Написал, – говорю и даю ему открытку.

Он ее в планшет сунул, не глядя, и помчался прочь. На следующее утро появляется в казарме с оплывшим глазом и орет:

– Где этот, бляха, поэт? Где этот, сука, Достоевский?

Затем обнаруживает меня, подходит, кипит от злости, достает открытку и принимается махать ею перед моим носом и плевать:

– Ты чего, гад, написал? Ты чего написал, падло?

– А что, – спрашиваю, – рифма плохая?

– Какая, нахер, рифма! Мою жену Варей зовут! Варей, а не Валеи! Она как прочла... Вот бы сейчас тебе так же в глаз захерачить! Она мне говорит: я тебе, говорит, пофестивалю с твоей Валеи. Я тебе, говорит, этой гробовой доской по твоей кобелячей башке дам и ею же накрою... Устроил ты мне, бляха, годовщину свадьбы. Стрелять вас, поэтов, надо!

Во взводе управления дивизиона, где я служил, было два офицера, один из которых всё время находился в командировке. Как-то поднимаюсь на второй этаж, где располагалась наша каптерка – в дверях стоит огромный мужик лет двадцати пяти или чуть больше, в гражданской одежде, курит и переговаривается с нашими дедами.

– Извини, – говорю, – у тебя сигареты не будет?

Он удивляется, деды начинают ржать.

– Это даже немного интересно, – говорит мужик. – Ну, держи.

Он протягивает мне сигарету, я беру, благодарю и закуриваю.

– А вот это уже неинтересно, – заявляет он. – Товарищ боец, с какого припадка борзости ты куришь прямо здесь? Ты еще в каптерке закури.

– Ну, ты ж тут куришь, – отвечаю, – товарищ гражданский.

– Вообще-то, – говорит он, вынимая у меня из пальцев сигарету и загибая ее о дверной косяк, – я не вполне гражданский. Я старший лейтенант. Кроме того, офицер твоего взвода. Когда в следующий раз увидимся, обращай ко мне, если не сложно, на «вы».

– Виноват, – говорю, – товарищ старший лейтенант. – А сигарету я верну, хоть и не докурю.

Он глядит на наших дедов, которые изнемогают от хохота, затем поворачивается ко мне и говорит:

– Хороший у меня взвод. Не взвод, а псарня. Мало было борзых дедов, так теперь еще борзые духи завелись.

Офицер взвода управления заходит в каптерку, где я и сержант, замкомвзвода из Воронежа, чистим картошку, чтоб пожарить. Вернее я, как молодой, чищу, а он колдует над полусправной электроплиткой.

– Привет, охреневшая команда, – говорит офицер. – Вы случайно каптерку со столовой не перепутали?
– А чё путать? – мрачно отвечает «замок». – Там плиты нормальные, а тут эта мутотень...
– На вашу долю чистить, товарищ старший лейтенант? – интересуюсь, чтобы разрядить обстановку.
– Ты лучше на свою долю наряд вне очереди запиши, – отвечает старлей. – Почему не встаем, бойцы, когда офицер входит? Вы устав читали?
– Устав? – снова подаю голос. – Нет, не читал. Я, устав, не читаю. Я, устав, отдыхаю. Старлей пожал плечами и говорит:
– Два наряда вне очереди.

Майор Жижов ведет политзанятие. Говорит о перестройке, о гласности.

– Вы, товарищи бойцы, – поясняет он, – обязаны понимать суть текущего процесса. Время показухи прошло. Мы теперь должны не только выпячивать свое достоинство, но и смело указывать на его недостатки.

Оформляем ленкомнату. Я что-то рисую и вывожу плакатным пером, мой помощник Лешка Баранников вырезает, клеит, разводит краски. Заходит майор Жижов, глядит на пустую доску, где должны располагаться фотографии членов политбюро и заявляет:

– Так. Не понял. Где политбюро?
– В Москве, – отвечаю.
– Острим? Почему члены не висят?
– Как раз висят. В компоте бром сплошной, – вмешивается Леха.
– Короче, – говорит замполит, – я через полчаса загляну – чтоб члены... чтоб политбюро висело в полном составе!

И выходит.

– Миха, – говорит мне Лёша, – ты б согласился, чтоб у тебя член висел, если политбюро тоже будет висеть в полном составе?

Попадаю в санчасть (как потом оказалось, с воспалением легких). Меряют мне температуру – тридцать восемь и шесть. Начмед, здоровенный сибяряк, говорит:

– Удивляюсь я вам, солдаты. Кругом зима, снежок, морозец... Как вы только ухитряетесь простужаться?

О себе начмед – майор Назаров – говорил так:

– Я – культурный человек. Местами интеллигентный. У меня в санчасти чтоб никакой матерщины. Тут вам не казарма, а вертеп здоровья. Я сам если и матюгнусь, так только на латыни. Ни одна сука не слыхала, чтоб я сказал «однохуйственно». Исключительно «монопенисуально».

Начмед терпимо относился ко всем нациям, только по отношению к украинцам позволял себе интересные высказывания. При этом все три фельдшера, включая старшину санчасти, были родом с Украины. Я однажды спросил:

– Товарищ майор, если вы так хохлов не любите, зачем их на службу в санчасть берете?
– Диалектически надо мыслить, – отвечает начмед. – Представь, идешь на совещание к командиру полка. Там тебя имеют во все щели. Возвращаешься в санчасть... Только на своих хохлах душу и отведешь.

Узнав, что я рисую и владею плакатным пером, начмед говорит:

- Да, боец, чую – ты тут задержишься.
- А какая у меня болезнь? – спрашиваю с улыбкой.
- Да какая хочешь. От сифилиса до ампутации.
- Ампутации чего?
- Чего угодно. На твоём месте я бы выбрал ампутацию языка.

Я и в самом деле задержался в санчасти месяца на полтора. Насколько я не ладил с начштаба, настолько отлично поладил с начмедом. С земляками-фельдшерами и грузином-шофером тоже нашел общий язык. Только с поваром-латышом мы холодно враждовали.

- Нашел теплое место? Пригрел жопу? – спрашивал он.
- Кто бы говорил, – отвечал я.
- Говорит кто надо. Ты сколько прослужил?
- Полгода.
- А я полтора. Мне можно говорить. Тебе можно молчать. А то...
- А то что? – интересуюсь. – Сахару мне в чай не насыплешь?
- Сахар не насыплю. Слабительное насыплю. Будешь весь день – ха-ха – как птица над очком парить.

– Остроумно, – говорю. – Запишешь мне эту шутку, а то, не дай Бог, забуду?

Он почему-то обрадовался и ушел. Через некоторое время слышу, как он старшине санчасти рассказывает:

- А я ему говорю: «Весь день будешь, как птица, над очком парить».
- И чё? – спрашивает старшина.
- Как? Разве не смешно?
- А хули тут смешного?

Повар пошел по остальным фельдшерам, затем к шоферу-грузину. Через некоторое время подходит ко мне и говорит:

– Слушай. Всем рассказал, никто не смеялся. А ты сказал, что остроумно. Я понял – у тебя совсем нет чувства юмора.

Тот же повар-латыш подходит однажды ко мне, неожиданно обнимает за плечи и говорит:

– Слушай. Мы иногда не очень хорошо разговаривали. Это не нарочно. Я просто по-латышски думаю, а ты...

– А я, наверное, по-еврейски? – спрашиваю, усмехнувшись.

– Да, наверно... Слушай. У меня есть фотография моей девушки. Фотография очень маленькая. Сделай мне из нее большой рисунок. А я тебе на ужин картошку пожарю. Хочешь?

– Фотографию покажи, – говорю.

Он протягивает мне фотографию – такую крохотную, что лица не разглядишь.

– Так нарисуешь? – спрашивает он.

– Нарисую, – отвечаю, – если ты мне из одной картофелинки сковородку картошки нажаришь.

Старшина санчасти Ваня Диденко из Житомирской области как-то спрашивает меня:

– Слышь, Мишка, ты по-украински номально розмовляєшь?

- Нормально, – говорю. – А что?
- Да с земляком поспорили, как будет по-украински х/б. Он говорит б/п. Типа, раз «хлопчатобумажная», значит «бавовнянопапірова». Чё скажешь?
- Не, – говорю, – точно не б/п.
- А как?
- Х/з.
- В смысле – х/з?
- В смысле – хер знает.

Однажды начмед говорит мне:

- Миш, собирайся. Завтра в батарею возвращаешься. Тебя назад требует твой начштаба. Главное, говорит мне: «Вы, товарищ майор, у меня бойца похитили». Я ему отвечаю: «Боец, товарищ майор, не невеста, чтоб его похищать». Он мне: «Я этот вопрос на совещании у комполка подниму». «Поднимайте, – говорю ему, – что поднимается».
- А он? – спрашиваю.
- Он и поднял, что у него поднималось. У него, наверное, кроме вопроса о тебе подниматься нечему. «Товарищ, – говорит командиру, – подполковник, у меня уже полтора месяца боец в санчасти». Подполкан мне: «Что с солдатом, товарищ майор?» «Воспаление легких, – отвечаю, – высокая температура. Потом начались осложнения». Тут твой начштаба снова влез: «Товарищ подполковник, знаю я эти осложнения. Санчасть ему оформляет. А у меня самого документации полно». Короче, продали тебя обратно.
- Да ладно, – говорю, – товарищ майор, не расстраивайтесь.
- Я не расстраиваюсь. А твой начштаба – забыл как на латыни – мудака. Я ему говорю напоследок: «Смотри, майор – попадешь ко мне в санчасть с грыжей, я тебе ее удалять не стану. Я тебе еще новую вошью».

В дивизионе встречает меня очень довольный начштаба.

- Ну что, боец, хорошо отдохнул?
- Какое там, – отвечаю. – Болел, не щадя себя.
- Ну-ну. И чем ты там занимался?
- Повышал боеспособность вооруженных сил.
- Чего?
- Ну, вы ж сами говорили, – поясню, – что с такими солдатами, как я, и врагов не надо. А пока я в санчасти, боеспособность растет. Товарищ майор, может, мне досрочно на дембель уйти?
- Ага, – говорит он. – Идем, я тебе твой дембельский аккорд покажу...

Солдаты встретили меня несколько по-другому:

- Слышь, – говорят, – ты ничего такого из санчасти не принес?
- В смысле? – спрашиваю.
- Заразного. Чесотки, дизентерии, триппера.
- Размечтались, – отвечаю. – Где я вам в санчасти триппер возьму?
- Ну, там же фельдшерица есть.
- Сорокалетняя и страшная.
- Ээ, – говорит один. – Подумаешь, сорокалетняя. Подумаешь, страшная. Я б не испугался.
- Даже с триппером не испугался бы? – интересуюсь.
- Он задумался и говорит:
- Не знаю. Полпробовать-то можно. А вдруг пронесет.

В третьем батальоне нашего полка служил негр, вернее сказать, мулат, живое свидетельство тесной дружбы народов, с невероятным сочетанием имени и фамилии: Жан-Мари Бочаров-Бокаревич. Даже до сержанта, к слову, дослужился. Как-то стоят на плацу солдаты, распределенные по нарядам, начмед проверяет их на предмет личной гигиены. Доходит до одного солдатику с перепачканой физиономией.

– Ну-ну, – говорит. – Иди-ка за мной.

Выводит его на середину плаца и командует:

– Сержант Жан-Мари Бочаров-Бокаревич, выйти из строя!

Тот выходит.

– Вот, посмотри на Жана-Мари Бочарова-Бокаревича, – говорит начмед солдатику. – Он белее тебя.

Бойцы седьмой роты, где служил пресловутый Жан-Мари, раздобыли где-то самогону, отведали, развеселились, вырезали из деревянной чурки внушительных размеров фаллос, ломом выдолбили на плацу ямку и заколотили в нее фаллос головкой вверх. Наутро командир строит полк и негромко, но злобно говорит:

– Я не спрашиваю, что символизирует это произведение, блядь, искусства. Понятно, что на службу вы забили. Меня интересует одно... – и тут он орет на всю часть: – Кто забил хуй на плацу?!

Полковое начальство редко навещало нас в дивизион. Как-то сидим в штабной комнате с моим любимым начштаба, оба занимаемся своим делом, причем – ко взаимному удовольствию – молча. Тут раздается крик дневального:

– Дивизион, смирно!

Начштаба выскакивает из комнаты и вскоре возвращается с другим начальником штаба, но уже полковым. Я встаю.

– О, солдатик, – обрадованно говорит полковой начштаба, сняв шапку и оказавшись к моему удовольствию рыжим. – Как фамилия?

– Юдовский, – отвечаю.

– Ты смотри! Почти тезки. А моя – Юдаков. А что, солдатик, часто передразнивали твою фамилию?

– Бывало, товарищ подполковник, – отвечаю. – А вашу?

Некоторое время длится нехорошая пауза, затем мой начштаба издает рык:

– Три наряда вне очереди, боец!

– А за что? – ядовито поворачивается к нему Юдаков. – Сумеете объяснить, товарищ майор?

Тот осекается и замолкает. Юдаков поворачивается ко мне.

– За наивную находчивость, – говорит он, – отменяю три наряда вне очереди от твоего начштаба. А за веселое нахальство объявляю один наряд лично от себя. Что надо сказать?

– Служу Советскому Союзу, – отвечаю.

– Правильно. Служи, солдат.

Торжественное собрание в клубе части. Выступает замполит полка майор Филиппов. Говорит о воинском долге, о чувстве товарищества, о закалке души и тела.

– Армия, – заключает замполит, – сделает из вас настоящих мужчин!

– Это как? – интересуется кто-то вполголоса. – Девственности, что ли, лишит?

Зимние учения. Ставим палатки с походными печками посреди степи, где на растопку годятся только высокая засохшая трава и засохший чертополох. Старшина третьей батареи, казах, подходит к начальнику штаба.

– Товарищ майор, – говорит он, – тут дров нет. Чем топить?

– Нормально, – скалится в ответ майор. – Полдивизиона чурок, а он говорит, что дров нет.

– Товарищ майор, – обижается старшина, – зачем так некрасиво говорите?

– А я тебе не Демиург, чтоб красиво говорить, – отрезает начштаба. – Бери бойцов и – вперед, траву собирать.

Старшина уходит, начштаба окликает меня:

– Эй, представитель образованного класса, ты знаешь, кто такой Демиург?

– Знаю, – говорю. – Творец.

– А вот и не знаешь ты ни хрена. Это оратор древнегреческий.

– Вообще-то, – говорю мстительно, – оратора звали Демосфен.

Майор поглядел на меня нехорошо, потом говорит:

– Между прочим, приказ собирать траву всех касается. Чего на месте стоим?

Начинается основная часть учений. Поскольку дальномера нет, то заняться мне, в общем-то, нечем. Начштаба, видя, как я околачиваюсь без дела, подзывает меня к себе.

– Эй, – говорит насмешливо, – дальномерщик без дальномера! Прикинь-ка на глаз, сколько до цели.

– Дайте хоть бинокль, – говорю.

– А зачем тебе бинокль? Если без дальномера справляешься, то и без бинокля справишься. Так сколько до цели?

Я поглядел на него и говорю сквозь зубы:

– Три метра.

– Чего? – не понял он.

– Двенадцать километров сто пятьдесят три метра, – говорю уже погромче.

– Да? И откуда такая точность?

– От большого воображения, – отвечаю.

– Вот тут прав, – кивает майор. – Скажи спасибо, что у меня воображение здоровое. А то б я тебя рулеткой мерить заставил.

Возвращаемся с учений. БТР, в котором мы едем, вдруг «чихнул» и заглох. Печка, соответственно, тоже не работает. Сидим посреди заснеженной степи, как в железном гробу. Проходит полчаса, час. Мой замкомвзвода толкает меня в бок.

– Слышь, – говорит, – Мишель, расскажи чего-нибудь, пока мы тут не окоченели.

– Не могу, – отвечаю, стуча зубами. – Язык примерз.

– Охренеть, – говорит «замок». – Когда не надо, мудозвонит направо и налево. А когда надо, у него язык примерз. Рассказывай, блин. А то, если выживем, всем взводом тебя закопаем.

– Не закопаете, – отвечаю. – Земля мерзлая.

– Обольем солярой, подожжем, отогреем и закопаем.

– Накрылась ваша соляра. Вон, БТР заглох.

– Вот и ты заглохни.

– Чё-то я не понял, – говорю. – Мне рассказывать или заглохнуть?

– Рассказывай!

– Не могу. Язык примерз.

– Бляха, ты точно своей смертью не умрешь!

– А какой смертью я умру?
– Я ж говорю: всем взводом убьем и закопаем.
– Убивайте. Я буду лежать на снегу, мертвый и красивый. А вы, живые и некрасивые, будете копошиться вокруг меня и мудохаться с мерзлой землей.
Короче, три часа мы таким интересным образом продержались, пока за нами не приехали.

Пока мы были на учениях, в казарме в качестве дневальных остались двое – грузин и чеченец. Когда дивизион вернулся, оба были пьяные в хлам. Комдив, свирепея, поднимает их на ноги.

– Обоим, – говорит, – неделя работ в автопарке. Будете на морозе вкалывать, пока весь хмель не выйдет. Слышь, – обращается он к чеченцу, – Гучигов, ты ж мусульманин, вам же, бляха, пить вообще не положено.

– Да? – отвечает тот, пошатываясь. – А когда свинина в столовой дают, кто спрашивает, что нам положено, что не положено?

За пару дней до 23 февраля забирают меня в солдатский клуб – помогать оформлять стенды к празднику, поскольку один тамошний художник не успевает. А в часть, к слову, должно приехать командование из Уссурийска, из штаба армии. Приказ исходит от замполита полка, поэтому мой начштаба – без плача, но со скрежетом зубовым – вынужден смириться.

– Ладно, – говорит он, – иди. Хоть на несколько дней от твоей физиономии отдохну.

– А вдруг, – отвечаю, – не на несколько дней, а надолго? Не соскучитесь без меня, товарищ майор?

– Не соскучусь, к сожалению. Ты с твоим характером и языком долго там не продержишься.

В клубе постоянно находились два офицера – начальник клуба и пропагандист полка, трое солдат – художник Костя из Подмосковья, киномеханик Андрюха с Урала и писарь Артур из Осетии, а также безымянная собака неизвестной породы, которая то исчезала куда-то, то снова появлялась в клубе. Встретили меня, в общем-то, хорошо – собака сразу начала ластиться, Костик с Артуром дружелюбно улыбнулись и пожали мне руку, только киномеханик глянул на меня как-то невнятно и ушел к себе в кинобудку.

– Чего это он? – спрашиваю.

– Не обращай внимания, – отвечает Костик. – Он парнишка неплохой, но тормоз. И спит всё время. Потом сам к тебе подойдет и поздоровается.

– Шутишь?

– Честное слово. Один раз он Артурчика достал и тот послал его на хер. Андрюха ничего не ответил, а через полчаса подходит и говорит: «Слышь, бля, джигит, я чёт не понял: ты куда меня послал?»

Трое суток мы с Костиком, почти без сна, малевали стенды. Артур писал тексты, Андрюха сколачивал новые щиты. Один раз он заснул прямо за работой и стукнул себя молотком по пальцам. Проснулся, посмотрел удивленно на молоток и продолжил работу. Через некоторое время говорит:

– Блядь...

– Ты чего? – спрашиваю.

– Да молотком себе по пальцам долбанул.

С нами вместе работал пропагандист полка, подполковник с очень подходящей фамилией Чаркин. Не спал, сколачивал щиты, разводил краску, только отлучался время от времени к себе в кабинет и возвращался оттуда, благоухая водкой. Я как-то не выдержал и говорю:

– Товарищ подполковник, вы бы нам тоже... того.

– Чего того? – спрашивает Чаркин. – Тоже гвоздь в вас забить или палкой вас помешать как краску?

– Да нет, – говорю. – Пахнет от вас вкусно.

– Дать тебе рубль на одеколон?

– Лучше по сто граммов... Ну, чтоб мы не заснули.

– Охренительный солдат, – качает головой Чаркин. – Страна, бляха, борется с пьянством каждым гребанным постановлением, а ему сто граммов приспичило... Второй день в клубе, а борзет так, точно второй год. Не бойся, не заснешь. Пока я тут с вами работаю, вы у меня только в гробу заснете.

Чтоб не отрываться от работы, в столовую мы не ходили. Пропагандист распорядился, чтоб еду нам приносили прямо оттуда в бачках. Сам, кстати, тоже питался с нами солдатской пищей, отказавшись от офицерской столовой. Повара, узнав кому в частности предназначается еда, делали порции двойными.

– Надо же, – говорит Чаркин, отведав разносолов из солдатской столовой. – Не, я всегда знал, что солдат кормят говном, но, бляха, никогда не думал, что так обильно.

К исходу третьего дня мы начали малость соловеть. Осетин Артурчик, который и без того всегда писал с ошибками, хоть и необыкновенно красивым почерком, начал выводить что-то совсем уж невообразимое.

– Артур! Еханный бабай, Салатаев! – кричит вдруг Чаркин. – Что за хезню испражнили твои абрекские руки?

– Где, товарищ подполковник? – сонно откликается тот.

– Ты, бляха, уже сам срифмовал где. Ты что написал вместо «XXVI съезда»? Ты о чем, сука, думаешь? О решениях партии или о женских... Мал еще, чтоб у тебя их двадцать шесть было!

Работа закончена, идем развешивать стенды на плац. В помощь нам дают с десяток бойцов из подразделений. На плацу уже крутится замполит – в парадной форме, торжественный. Видимо, ему захотелось внести свою лепту в наш ударный труд, поэтому он со словами «ну-ка, отойдите солдатики, дайте майору со старлеем поработать» подхватывает щит с одного боку, начальник клуба с другого и они принимается на пару устанавливать его.

– Эй, – окликает он меня, – художник, новенький! Ровно висит?

– Левый край чуть выше, – говорю.

– Ага... А теперь?

– А теперь чуть ниже.

С меня вдруг слетела усталость, я начал с упоением командовать: «Левый край! Правый край! Выше! Ниже!» Несколько раз щит уже висел ровно, но мне до того понравилось, как они его опускают и поднимают, что я не мог остановиться. Солдаты, совершенно обалдев, наблюдают, как я отдаю распоряжения майору и старшему лейтенанту. Замполит, наконец, не выдержал:

– Слышь, – говорит, – солдат, ты уже малость, как бы тебе сказать... утомил. Долго нам еще воевать с этим блядским щитом?

– Так ведь хочется, чтоб идеально смотрелось, – отвечаю.
– Короче, – говорит замполит, – сколько секунд мы еще промудохаемся с этим гребанным щитом, столько дней ты, дирижабль гнусный, просидишь на гауптвахте.
Пришлось заканчивать шоу.

Возвращаемся с плаца в клуб, всем солдатским составом заваливаемся спать в кинобудке среди каких-то шинелей и бушлатов. Не знаю, сколько времени проспали, слышим сквозь сон ор пропагандиста, который поливает матом начальника клуба:

– Где транспарант? Почему, бляха, транспарант не сделали?

– Какой транспарант, товарищ подполковник? – слабо защищается тот. – Вы ничего про транспарант не говорили...

– И мне никто не говорил! Меня, сука, только отымали прямо на плацу. Сперва начальник политотдела армии говорит дивизионному начпо: «Очень красиво, Владимир Иванович, жаль только транспарант не нарисовали». Тот подзывает нашего замполита и матом на него... А замполит уже мне по полной программе – и про мать вспомнил и про бабушку. Крайнего, сука, нашли? Вот вам крайний! Ты, старлей, екарная цепь...

Пропагандист минуты полторы отводил душу, потом говорит:

– Всё, я домой, отсыпаться. Сам разбирайся со своими художниками.

Начальник клуба выстраивает нас в полном составе (даже собака клубная прибежала на крик), поливает матом, обещает повесить этот транспарант вместо траурных лент на нашу братскую могилу. Я вдруг хватаю собаку, подношу к лицу и рычу на нее:

– Где транспарант? Где транспарант, сука?

Та лизнула меня.

– Пасть закрой, – говорю. – Где транспарант?

Начальник клуба осекся, посмотрел на меня с собакой, на остальных и вдруг заржал.

Потом заржали все. Единственным разумным существом среди нас, кажется, была собака.

Кажется, вся часть знала, что жена подполковника Чаркина, служившая фельдшером в санчасти, изменяет мужу направо и налево. Иногда Чаркин, в подпитии, сажал ей под глаз такой фингал, что его не могла скрыть никакая косметика. Командир части и замполит вызывали Чаркина к себе и проводили с ним воспитательную работу. Однажды я слышал, как замполит говорит ему:

– Слушай, ты бы хоть бил ее так, чтоб синяки не оставались...

Начальник клуба говорит мне и Косте:

– Художники, вы всё время без дела шляетесь. А Ленин, между прочим, совсем облупился. Обновить надо бы.

– Вы нам выпишете командировку в Москву? – спрашиваю.

– Почему в Москву? – удивляется начальник клуба. Затем до него, видимо, доходит и он, покачав головой говорит: – Слышь, киевлянин, ты хоть иногда за базаром следи.

После того, как мы подреставрировали портрет Ленина, нам поручили заняться его гипсовым бюстом.

– Подкрасьте бюст вождя, – велел начальник клуба. – И не надо, – поспешно добавил он, глядя в мою сторону, – не надо мне остроумничать, что у вождя нет бюста, и что подкрасить не бюст вождя, а бюст вождю... Не надо, понятно?

– Товарищ старший лейтенант, – говорю, – я, вообще-то, рта еще не открыл. Я пока что вас с интересом слушаю.

Красим бюст водоземulsionкой. Костик вдруг говорит:

– Как думаешь, вождю холодно?

– Конечно, холодно, – отвечаю. – Мы в шапках, а он с непокрытой головой.

– Давай ему хоть пилотку из газеты сделаем, – предлагает Костик.

– Давай.

Соорудили мы пилотку, заботливо напялили Ленину на голову, закурили. Тут появляется пропагандист.

– Это что? – спрашивает он, глядя на вождя в головном уборе.

– Это... эээ... чтоб не заляпать, – поясняет Костик.

– Ага, – кивает пролпагандист. – Понятно. Потом докрасите. А пока что взяли по лопате и – снег вокруг клуба разгрести.

– За что? – спрашиваю. – За заботу о ближнем?

– За неуставной головной убор, – отвечает пропагандист. – Зимой положено носить шапки, а не пилотки.

Клубная собака почему-то особенно раздражала полкового замполита, майора Филиппова, который был в клубе нечастым гостем.

– Развели тут псарню, – ворчал он, скармливая собаке бутерброд. – Как эту страхолюдину хоть зовут?

– Миледи, – ответил я.

– Почему миледи? – удивился замполит.

– Ну, типичная англичанка. По клубам шастает...

Замполит глянул на меня и говорит:

– А, узнаю. Любитель острых ощущений с длинным языком. Выше, ниже, слева, справа?

– Товарищ майор, – говорю, – зачем вы такие интимные вещи вслух? О нас еще подумают невесть что.

Замполит глянул на пропагандиста и начальника клуба и заявляет:

– Второй раз с этим типом разговариваю и второй раз ощущаю скрытую подлянку.

Отправьте его назад в подразделение. Пусть он непосредственному начальству нервы портит.

– А с собакой что, товарищ майор? – спрашивает начальник клуба.

Замполит глянул собаку, потом на меня, затем снова на собаку и говорит:

– А собака пусть остается.

По возвращении в дивизион встречает меня лично командир и коротко роняет:

– Пришел? Молодец. Вовремя. Пошли.

Поднимаемся наверх, заходим в небольшую комнату, где сидят начальник артиллерии полка с заместителем и какой-то бледный с виду прапорщик. Начальник артиллерии покосился на меня и говорит.

– Кому-то хоть слово вякнешь – из гаубицы расстреляю.

– А про что вякать-то? – интересуюсь.

– Ни про что. И сейчас тоже вякай поменьше. Твое дело слушать и не слышать. Садись и расчерчивай лист по этому образцу. – И протягивает мне бумагу и какую-то ведомость.

Сажу, расчерчиваю. Начальник артиллерии поворачивается к прапору.

– Вася, – говорит, – ты хоть понимаешь, что охерел вконец? Это же не тушенка со сгущенкой, не шинели, это же боеприпасы! Как можно было растратить на полсотни тысяч? Это же расстрельная статья!

Я не удержался и присвистнул.

Прапорщик поглядел на меня мутно и говорит:

– Не свисти. Денег не будет.

– Бляха муха! – покачал головой начальник артиллерии. – Прапор есть прапор. На нем расстрельная статья висит, а он о деньгах думает.

Перевели к нам в дивизион парнишку из штаба дивизии, Олега Долгова. Сидим в ленкомнате, он рассказывает о том, сколько всякой ерунды наворотил в жизни.

– Я, – говорит, – между прочим, уже три года отслужил.

– Это как? – спрашиваю.

– А так: два года в военном училище плюс год в войсках.

– А чего из училища ушел?

– Да не мое это.

– А в штабе дивизии что делал?

– Писарил. Пока не поперли.

– А поперли за что?

– Я дочь начальник штаба дивизи.... того. Ну, ты понял.

Тут раздается голос нашего замполита, который, как оказалось, уже с минуту стоял в дверях ленкомнаты и с интересом слушал нашу беседу.

– Ты, – говорит, – Долгов, дурак. Два года в училище, год в войсках, теперь еще на пять лет в тюрьму собрался?

– За что, товарищ майор? – удивляется тот.

– За совращение малолетних и гомосексуализм. У начштаба дивизии не дочка, а тринадцатилетний сын.

На следующий вечер в нашем дивизионе объявляется сам начштаба дивизии, подполковник Курлятович.

– Вот, – говорит, глядя в упор на Долгова, – пришел на своего бойца посмотреть. Что, мудило, доигрался? Скучно писарям в штабе, заняться нечем? Ножики в дверные косяки кидаем? Да еще подбираем момент, когда в комнату входит начальник штаба? Ты ж без пяти минут полковника чуть не убил!

– Товарищ подполковник, – отвечают Долгов, – я ж ненарочно...

– Врешь! Нарочно. Каждый солдат мечтает убить офицера.

Из всех офицеров дивизиона больше всех мне нравился командир второй батареи капитан Саенко. Родом он был с Украины, из Хмельницкого, а на Дальний Восток его перевели из Афганистана – после ранения. Видимо, служба в Афгане научила его нормально относиться к солдатам. А, может, он изначально был таким человеком. В нем странно уживались раздражительная грубость и какая-то суровая нежность. Почему-то земляком он считал только меня, хотя старшина его батареи был родом с Западной Украины.

– Молодец, что киевлянин, – говорил он мне. – Для меня Москва – не столица. Для меня Киев столица.

– Товарищ капитан, – говорю, – вообще-то, в том, что я киевлянин, моей заслуги нет.

– Есть, – возразил Саенко. – Не заслужил бы – родился б в каком-нибудь Мухосранске.

Или ты из Мухосранска?

– Никак нет, – отвечаю.

– Отставить «никак нет», – говорит капитан Саенко. – Ты это брось – отвечать по уставу.

– Почему? – удивляюсь.

– Понимаешь, – говорит капитан, – когда ты отвечаешь по уставу, складывается впечатление, что ты посылаешь собеседника на хер.

- Когда это я кого-то на хер посылал? – спрашиваю.
– Всегда, – отвечает он. – Начштаба, замполита... И правильно посылал. Я бы тоже послал. Только мне для этого так и нужно сказать: «Идите на хер, товарищ майор». А ты умеешь посылать, не посылая.
– Товарищ капитан, – говорю, – вас-то уж я в последнюю очередь пошлю.
– Понятно, – усмехнулся Саенко. – Значит, всё же, дождусь своей очереди...

Как-то в отсутствие начальства дивизиона офицеры раздобыли несколько бутылок водки и принялись праздновать в каптерке третьей батарее. Капитан Саенко сдавал дежурство по части и опоздал к началу пиршества.

- Суки! – прогремел его голос на всю казарму. – Бляди вы, а не боевые товарищи. Две бутылки без меня выжрали.
– Витя, чего ты разошелся, – попытался урезонить его командир первой батарее. – Еще три пузырька осталось. Хватит на твою долю.
– Может, и хватит, – отвечает Саенко, – а только поганно пить с людьми, которые без тебя нажираться начали. Если б – не дай Бог – в бой пришлось бы идти, так, небось, дождались бы...

Заходит какпитан Саенко в ленкомнату (кажется, с похмелья), мутно глядит на портреты членов политбюро и роняет:

- Банда трезвенников... Указы они подписывают... Еще один такой указ – и кобздец советской власти.

Подходит ко мне старшина третьей батарее с приятелем, тоже казахом, довольно интеллигентным на вид парнишкой, и говорит:

- Тут земляк мой хочет с тобой поговорить.
Тот протягивает руку и представляется:
– Кайрат.
– «Динамо» Киев, – отвечаю.
– Чего? – не понял гость.
– Миша, – поясняю.
– Понятно. Тут такое дело. Мне на дембель скоро...
– Хочешь, чтоб я тебе дембельский альбом нарисовал? – перебиваю.
– Нет, не хочу. Я сам художник.
– Хочешь мне альбом нарисовать?
– Ты можешь рот закрыть и слушать? – говорит Кайрат немного нервно.
– Попробую, – говорю. – Извини.
– Короче, – продолжает Кайрат, – я художник из Дома Офицеров. Этой весной ухажу на дембель. Ищу замену. Можешь быстро чего-нибудь нарисовать? – И протягивает мне листок бумаги и карандаш.
– Пожалуйста, – говорю.
И делаю набросок обнаженной женской фигуры.
Кайрат посмотрел и говорит:
– Ты с ума сошел? Мне твой рисунок в политотделе дивизии показать надо. Хочешь, чтоб я там голую бабу показал? Рисуй другое.
Нарисовал я какого-то солдата в каске и с калашом, потом портрет Ленина.
– Ладно, – говорит Кайрат. – Посмотрим, что из твоих художеств получится.
Через три дня снова появляется в дивизионе и говорит:

– Слушай, ты мне в тот раз так по мозгам проехался, что я начальнику политотдела вместе с Лениным и солдатом голую бабу показал.
– А тот что?
– Тот мне говорит: «Кайрат, ты головой ударился? Что ты мне порнографию подсовываешь, да еще к Ленину прилагаешь?»
– Понятно, – вздыхаю. – Придется тебе другую замену искать.
– Еще неизвестно, – отвечает Кайрат. – Понимаешь, начпо мне Ленина с солдатом вернул, а телку голую себе оставил. На память, наверное...

Как-то заходит в нашу казарму начмед, отыскивает меня и подзывает к себе.
– Здравья желаю, товарищ майор, – говорю.
– А я тебе – нет, – отвечает тот.
– Почему?
– Ты мне больной нужен. Не хочешь заболеть?
– Не хочу.
– А придется. Я тут приятелю, главному хирургу нашего госпиталя, пообещал, что ты ему отделение оформишь.
– Нормально, – говорю. – И какая у меня хирургическая болезнь?
Начмед подумал и говорит:
– У тебя, по-моему, хроническая инконтиненция ментис дигито медио.
– Что у меня? – переспрашиваю.
– Мысленное недержание среднего пальца. Запиши, чтоб не забыть.

Попав в госпиталь, оказываюсь в кабинете начальника хирургического отделения подполковника Антипова.
– На что жалуемся? – интересуется он.
– Ни на что не жалуемся, – отвечаю.
– Интересно, – говорит он. – А с чем же ты в госпиталь угодил?
– С заданием начмеда майора Назарова.
– А-а, – говорит хирург. – Навязал мне тебя с пьяных глаз... Я ему по-человечески говорю, что ничего мне оформлять не надо, а он: я тебе друг или нет? Бери художника и всё.
– Так я тогда назад пойду? – спрашиваю.
– Солдат, – строго говорит подполковник, – ты в армии или где? Приду, уйду... Может, тебя еще проводить? Попал в госпиталь – лежи, пока не выпишут.
– А с чем мне лежать?
– С чем скажут лежать, с тем и будешь. Я хирург, я начальник отделения, я решаю.

Меня разместили в палате с еще тремя солдатами – пограничником, имя которого я забыл, Сергеем Соколовым из Питера и фельдшером отделения Ромой Жангаряном.
– Слушай, – интересуется фельдшер, – а у тебя что?
– У меня много чего, – отвечаю. – Форма, шапка, шинель, сапоги.
– Попал сюда с чем?
– С несоответствием пятому пункту. Еврей, говорят, а необрезанный. Теперь обрезать будут.
– Слушай, зачем врешь?
– Ничего я не вру, – отвечаю. – Тебе доказательство предъявить?

Погранец угодил в госпиталь с «розочками» на ногах, а Серега Соколов со сломанным носом. Причем нос ему сломали настолько удачно, что вот-вот должны были комиссовать.

– Слышь, – говорю ему, – это у кого же на самого Сергея Соколова рука поднялась?

– А что такое? – спрашивает он.

– Ты же полный тезка министра обороны. Представляешь физиономию военного прокурора, когда он будет разбирать это дело? Боец такой-то сломал нос Соколову Сергею. Тут не дисбатом, тут расстрелом пахнет.

Погранец рассказал, как они небольшим отрядом заблудились в сопках и оказались на китайской территории.

– Врешь, – говорю.

– Ничего не вру. Пять утра, спускаемся по склону, глядим вниз – а там поле и какие-то люди работают.

– Ну, и с чего ты взял, что вы в Китае оказались?

Погранец поглядел на меня удивленно и говорит:

– Ты что, не догоняешь? Ты где видел, чтоб у нас люди в пять утра в поле работали?

С Ромой Жангаряном мы в первый же день чуть не подрались, а потом на удивление быстро сдружились.

– Ты на гражданке кем был? – поинтересовался он однажды.

– Сперва на художника учился, – говорю, – потом на английском факультете в инязе.

– Молодец, слушай! А я почти учился в медицинском.

– Почти – это как? – спрашиваю.

– Это так: поступал, но не поступил.

– Что, трудно было поступить?

– Нет, – отвечает он, – наверное, не трудно. Но, видимо, дорого.

Узнав, что я пишу стихи и прочее, Рома говорит:

– Я в школе тоже литературу любил. У нас учительница была совсем молодая и такая красавица! У тебя какой писатель любимый?

– Гоголь, – отвечаю.

Рома посмотрел на меня удивленно и говорит:

– Извращенец.

– Кто, – спрашиваю, – я или Гоголь?

– Получается, что оба. Как можно любить писателя, который главного героя обезьянним именем называет?

– Обезьянним именем?

– Скажешь, нет? Макакий Макакьевич, по-твоему, человеческое имя?

Как-то я похвастался Роме, что чуть-чуть умею по-армянски.

– А ну, скажи что-нибудь, – говорит он.

– Эс кес серумэм (я тебя люблю), – произношу с гордостью. – Эс кэс чем серум (я тебя не люблю). Эли (еще).

– Я что-то не пойму, – говорит Рома. – Ты армянский с какой-то чувихой в постели изучал?

Сталкиваюсь в коридоре с подполковником Антиповым. Он смотрит на меня с некоторым удивлением и говорит:

- Ты еще здесь?
- Здесь, – отвечаю. – А где мне быть?
- И не надоело в госпитале?
- Надоело.
- Понятно, – говорит подполковник. – Тогда полежи еще.

Пробыл я в госпитале непонятно с чем около месяца. Наконец, меня выписали. Приводят в полковую санчасть. Начмед интересуется:

- Ну как, вылечили?
- От чего? – спрашиваю.
- А чем ты болел?
- Вам видней.

Начмед поглядел на меня и говорит:

- У тебя, кажется, было недержание среднего пальца. По-моему, тебя недолечили.

Придется оставить тебя в санчасти. На сохранении.

- Я что, беременный?

– У меня, – говорит начмед, – скоро голова от тебя беременной будет. Тебе что, в санчасти плохо? В казарме веселей? Раз майор медицинской службы говорит тебе, что ты болен, закрой рот и болей на здоровье. У меня куча документации накопилась. Так что можешь левой рукой показывать средний палец, только правой пиши покрасивей.

Наведались ко мне в санчасть ребята из дивизиона.

- Слышь, Миха, – говорят, – а что с тобой?
- Не знаю, – отвечаю. – Что-то такое страшное, что мне сообщить бояться.
- Так тебя комиссуют?
- Не-а. Я в армии нужен.
- Ты? На хрена?

– Вот и я не понимаю – на хрена. Спрашиваю – молчат. Военная тайна, наверное.

– А ты хоть в курсе, – говорят они, – что ты уже не «молодой», а «фазан»? Приказ-то полмесяца как вышел.

- Ёкарная цепь, – говорю. – Спасибо, что напомнили.

После их ухода на меня накатило ощущение собственной значительности. Начмед некоторое время смотрел на меня с удивлением, а потом спрашивает:

- Ты чего это сегодня такой?
- Я, – говорю, – товарищ майор, теперь «фазан».
- В смысле?
- Год прослуживший.

– Павлин ты, – говорит начмед, – а не фазан. Я в этой гребанной армии уже без малого двадцать лет, и то меня так не раздувает.

Вечером восьмого мая появляется в санчасти молодой лейтенант и требует меня.

Предстаю пред его светлые очи.

- Одевайся, – говорит он. – Пойдешь со мной.

– Лейтенант, а ты не оборзел? – одергивает его начмед. – Ты чего командуешь, когда тут целый майор имеется?

– Приказ начальника политотдела, – сообщает лейтенант. – Я вашего бойца должен доставить в Дом Офицеров, завтра праздник, а там всего один художник остался.

– Понятно, – говорит начмед. – Подожди здесь, лейтенант, мне с бойцом побеседовать надо.

Заводит меня к себе в кабинет и говорит:

- На повышение идешь. Место хорошее. Смотри только, старых друзей не забывай.
- Не забуду, товарищ майор.
- Сделаю вид, что поверю. И еще. Я тебе всегда добра желал, послушай совета – попридержи там свой характер.
- По-моему, – говорю, – товарищ майор, у меня очень милый характер.
- Вот-вот, – говорит начмед. – Хочешь там осесть – избавь их от твоих милостей. Хватит с них милостей природы.